

И. С. Тургенев

Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Геденова...

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.
Сочинения в пятнадцати томах.

М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1960

Том первый. Стихотворения, поэмы. Статьи и рецензии. Прозаические наброски (1834-1849)

[OCR Бычков М. Н.](#)

СМЕРТЬ ЛЯПУНОВА. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Геденова. Санкт-Петербург. 1846. В тип. императорской Академии наук. В 8-ю д. л., 115 стр.

В нынешнем году на Большом театре давали оперу г-на Николаи "Il Templario" {"Тамплиер" (Рыцарь храма -- *итал.*)}, которая довольно понравилась публике, несмотря на совершенное отсутствие творческого дара, самобытности, несмотря на бесчисленные подражания. В авторе заметна была ловкость, образованность, музыкальная начитанность, если можно так выразиться; он не впал ни в одну грубую ошибку... Точно такими же достоинствами отличается драма г-на Геденова, о которой мы обещали поговорить на досуге, разбирая третий том "Новоселья", где она напечатана. Исполняем теперь это обещание тем охотнее, что в прошлом месяце появилось мало беллетристических произведений, на которые стоило бы обратить особенное внимание.

Драматическое искусство, как и вообще все искусства и художества, занесено было в Россию извне, но благодаря нашей благодатной почве принялось и пустило корни. Театр у нас уже упрочил за собой сочувствие и любовь народную; потребность созерцания собственной жизни возбуждена в русских -- от высших до низших слоев общества; но до сих пор не явилось таланта, который бы сумел дать нашей сцене необходимую ширину и полноту. Мы не станем повторять уже не раз высказанные на страницах "Отечественных записок" мнения о Фонвизине, Грибоедове и Гоголе: читатели знают, почему первые два не могли создать у нас театра; что же касается до Гоголя, то он сделал всё, что возможно сделать первому начинателю, одинокому гениальному дарованию: он проложил, он указал дорогу, по которой со временем пойдет наша драматическая литература; но театр есть самое непосредственное произведение целого общества, целого быта, а гениальный человек все-таки один. Семена, посеянные Гоголем, -- мы в этом уверены, -- безмолвно зреют теперь во многих умах, во многих дарованиях; придет время -- и молодой лесок вырастет около одинокого дуба... Десять лет прошло со времени появления "Ревизора"; правда, в течение этого времени мы на русской сцене не видели ни одного произведения, которое можно было бы причислить к гоголевской школе (хотя влияние Гоголя уже заметно во многих), но изумительная перемена совершилась с тех пор в нашем сознании, в наших потребностях.

История искусства и литературы у нас на Руси замечательна своим особым, двойственным развитием. Мы начинаем с подражания чужеземным образцам; люди с талантом чисто внешним, говорливые и деятельные, представляют в своих произведениях, лишенных всякой живой связи с народом, одни лишь отражения чужого таланта, чужой мысли -- что им не мешает самодовольно толковать об оригинальности, о народности; их современники, увлеченные весьма простительным тщеславием, называют их великими писателями, великими художниками, ставят наравне с известными именами... Так, Сумарокова величали русским Вольтером!! Между тем неслышно и тихо совершается переворот в обществе; иноземные начала перерабатываются, превращаются в кровь и сок; восприимчивая русская природа, как бы ожидавшая этого влияния, развивается, растет не по дням, а по часам, идет своей дорогой, -- и со всей трогательной простотой и могучей необходимостью истины возникает вдруг, посреди бесполезной деятельности подражания, дарование свежее, народное, чисто русское, -- как возникнет со временем русский, разумный и прекрасный быт и оправдает, наконец, доверие нашего великого Петра к неистощимой жизненности России.

Но если в иных отраслях искусства и совершился такой благодетельный перелом, зато в других мы должны еще пока питаться надеждами и беспрестанно встречаться с произведениями, из которых лучшие тем только и хороши, что они не худы, и бороться с крикливыми мнениями людей, которых скорее и основательнее всякой критики убедило бы появление истинного таланта... Лучшая рецензия на романы г-на Булгарина -- "Мертвые души"; всякая рецензия еще напоминает разбираемое сочинение, признает по крайней мере его существование, а "Мертвые души" заставили преспокойно забыть г-д Выжигиных и комп<анию>. Нравственно-сатирические и исторические романы старого покрова убиты; но исторические